

Анна Ахматова

Полночные стихи

Вместо посвящения

По волнам блуждаю и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою – едва ли.

Лето 1963

1. Предвесенняя элегия

Меж сосен метель присмирела,
Но, пьяная и без вина,
Там, словно Офелия, пела
Всю ночь нам сама тишина.
А тот, кто мне только казался,
Был с той обручен тишиной,
Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.

Комарово 10 марта 1963

Anna Akhmatova

Night Verses

Instead of a dedication

I roam the waves, I hide in the forest,
my image haunts the pure blue sky;
it's true that I'm not bad at parting;
what is hard is meeting you.

Summer 1963

1. Early spring elegy

Amid the pines the snowstorm abated,
yet silence itself, like Ophelia,
even without wine inebriated,
all night sang its song to us.
The man, it seemed to me,
to that same silence was betrothed;
he bade farewell, yet kindly stayed
and stayed with me till death.

Komarovo 10 March 1963

2. Первое предупреждение

Какое нам, в сущности, дело,
Что все превращается в прах,
Над сколькими безднами пела
И в скольких жила зеркалах.
Пусть я не сон, не отрада
И меньше всего благодать,
Но, может быть, чаще, чем надо,
Придется тебе вспоминать –
И гул затихающих строчек,
И глаз, что скрывает на дне
Тот ржавый колючий веночек
В тревожной своей тишине.

Москва 6 июня 1963

2. The first warning

What does it really matter to us
that everything turns to dust?
How often have I sung,
a yawning abyss at my feet?
In how many mirrors have I lived?
Let me not be just a dream, a reflection
nor (least of all, Dear God!)
some grateful gift.
But perhaps you'll remember me from time to time,
(perhaps more often than you should)
and the sound of these fading lines
and the eye that hides in its depths
that rusty, spiked wreath
in its anxious silence.

Moscow 6 June 1963

3. В зазеркалье

Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать – та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем – не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.

Комарово 5 июля 1963

3. Beyond the looking-glass

She's a beauty, and so very young,
not our century at all.
It's never just the two of us;
this third just has to come along.
 You move her chair.
 I share my flowers.
 What are we doing?
 We've no idea;
 each passing moment
 heightens fear.
Like prisoners released from jail
we all know frightful things about each other.
We're trapped inside the wheel of hell.
And is it “us” at all? – we cannot tell.

Komarovo 5 June 1963

4. Тринадцать строчек

И наконец ты словно произнес
Не так, как те... что на одно колено, --
А так, как тот, кто выврался из плена
И видит сень священную берез
Сквозь радугу невольных слез.
И вокруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И мир на миг один преобразился,
И странно изменился вкус вина.
И даже я, кому убийцей быть
Божественного слова предстояло,
Почти благоговейно замолчала,
Чтоб жизнь благословенную продлить.

8-12 августа 1963

4. Thirteen lines

You spoke, finally,
not like a suitor, on one knee,
but like someone escaped from captivity
who suddenly sees birch trees,
a sacred canopy,
through the rainbow of involuntary tears.
Silence all around you sang
and dusk dispersed in the pure sunlight.
For a moment the world was a transfigured whole
and the wine tasted strangely different.
And even I, cast in the role
of the murderer of the divine word
fell silent almost with reverence
prolonging a life so blessed.

8-12 August 1963

5. Зов

В которую-то из сонат
тебя я спрячу осторожно.
О! как ты позовешь тревожно,
Непоправимо виноват
В том, что приблизился ко мне
Хотя бы на одно мгновенье,
Твоя мечта – исчезновенье,
Где смерть лишь жертва тишине.

1 июля 1963

5. The call

I will hide you away carefully
in one of the Sonatas.
O how anxiously you call,
hopelessly guilty of
getting close to me
even for a single moment.
You aspire to disappear
where death is only a sacrifice to silence.

1 July 1963

6. Ночное посещение

Не на листопадовом асфальте
 Будешь долго ждать.
Мы с тобой в Адажио Вивальди
 Встретимся опять.
Снова свечи станут тускло-желты
 И закляты сном,
Но смычок не спросит, как вошёл ты
 В мой полночный дом.
Протекут в немом смертельном стоне
 Эти полчаса,
Прочитаешь на моей ладони
 Те же чудеса.
И тогда тебя твоя тревога,
 Ставшая судьбой,
Уведет от моего порога
 В ледяной прибой.

Комарово 10-13 сентября 1963

6. Night visit

You'll not have long to wait
 on the leaf-strewn street.
To the music of Vivaldi
 you and I again will meet.
The candles will stand opaque
 and yellow, vowed to sleep.
But neither they nor the violin
 will enquire how you got in.
These half-hours will go by
 in inarticulate, dire moans,
You will read the same marvels
 on my palms.
And then your fear,
 by now a fateful pattern,
Will banish you from my door
 into the icy breakers.

Komarovo 10-13 September 1963

7. И последнее

Была над нами, как звезда над морем,
Ища лучом девятый смертный вал,
Ты называл ее бедой и горем,
А радостью ни разу не назвал.

Днем перед нами ласточкой кружила,
Улыбкой расцветала на губах,
А ночью ледяной рукой душила
Обоих разом. В разных городах.

И никаким не внемля славословьям,
Перезабыв все прежние грехи,
К бессоннейшим припавши изголовьям,
Бормочет окаянные стихи.

23-25 июля 1963

7. And the last one

She was above us, like a star over the sea,
seeking the light;
the ninth and fatal wave came over us.
You called her "ill-fate" and "bitter";
Did you call her "joy"? Never.

During the day, like a swallow, she circled before
us
shining like a smile on our lips,
and at night, with an icy hand,
she smothered us both
simultaneously in different cities.

Hearing no eulogies
forgetting all former sins
she mutters accursed poems
into the sleepless pillows.

23-25 July 1963

Вместо послесловия

А там, где сочиняют сны,
Обоим – разных не хватило,
Мы видели один, но сила
Была в нем, как приход весны.

1965

Instead of an epilogue

Where dreams gather
we two sufficed and,
needing none else,
shared a single vision;
and there was power in it
like the arrival of spring.

1965